

53(092)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СЕРГЕЕ ИВАНОВИЧЕ ВАВИЛОВЕ

Б. А. Введенский

Немного можно насчитать примеров столь полного и гармоничного сочетания громадной научной и научно-организационной государственного масштаба деятельности с такой редкостной обаятельностью, как у незабвенного Сергея Ивановича Вавилова.

В данной книге есть немало статей, посвященных отдельным сторонам исключительно разносторонней деятельности Сергея Ивановича. Мне представляется, что его почитателям будут небезинтересны чисто бытовые, жизненные черты и черточки этой высокой, цельной и в то же время удивительно многогранной личности. Поэтому я ставлю себе лишь скромную задачу поведать об удержаншихся в памяти моментах, характерных именно с этой точки зрения.

Самое раннее мое воспоминание о Сергее Ивановиче восходит не то к 1912, не то к 1913 г., когда он докладывал на коллоквиуме (тогда еще слово «семинар» не бытовало) в Университете Шанявского (на Миусской площади) свою работу о фотометрии. Но тут сразу же в памяти всплывает длиннейшая цепь его прекрасных выступлений гораздо более поздних лет. Несмотря на громадную разницу и в содержании, и в зрелости изложения, у Сергея Ивановича до конца дней сохранялась его выявившаяся еще в юности манера речи и жестов, неотразимо действовавшая на слушателей.

Этому сильно способствовал присущий Сергею Ивановичу особый мягкий, ненавязчивый, не подчеркиваемый юмор, который иногда проскальзывал даже и в серьезных выступлениях. Этот юмор сквозил в чуть заметной интонации, паузах, незначительных с виду жестах, и лишь изредка — в своеобразии употребленного словосочетания, в неожиданном сопоставлении, цитате.

Помнится, в блестящем докладе о газосветных лампах он уподобил освещение лампами накаливания первобытному освещению пламенем костра; в другом случае, полемизируя с противником планирования научных исследований и проводя грань между планированием исследований и планированием открытий, Сергей Иванович неожиданно процитировал из А. К. Толстого:

«Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем».

Юмор Сергея Ивановича прорывался особенно в быстрых репликах, вроде его выражения «пальчиком водя» применительно к докладам «по писанному»; или лапидарное «Ого!», когда кто-то в пылу доклада заявил, что «мы перестроились и повернулись на 360 (!) градусов»; или — в несравненно более серьезном случае — в ответ на поздравление с вступлением на пост Президента — «С этим не поздравляют!», когда он хотел выразить, как живо представляет на себе всю глубину ответственности нового поручения, и намекал, что еще поздравлять пока что рановато.

Юмор не оставлял Сергея Ивановича и при замечаниях и выговорах подчиненным. Надо сказать, что я не помню случая, когда бы Сергей Иванович вышел из себя; даже просто резкий тон в его замечаниях был редкостью. Обычно он умел мягкой с виду формой замечания заставить себя слушаться и, хотя не отвергал возражений, все же обычно приводил собеседника (по сути дела — «распекаемого») к сознанию его, собеседника, неправоты. Но делал это Сергей Иванович все же в большинстве случаев не резко и не обидно: если собеседник и уходил раздосадованным, то только на самого себя. Среди самых сильных его выражений были: «нехорошо» (или даже «не совсем хорошо») и его знаменитое «стыдобушка». Последнее выражение граничило уже с пределом строгости, и этой его оценки боялись, как огня.

С тем же юмором рассказывал Сергей Иванович некоторые факты из собственной жизни.

В первую мировую войну под командой Сергея Ивановича была «искровая станция» (т. е. по современному — радиостанция), где он имел возможность исследовать новый тогда метод радиопеленгации (этого названия тоже тогда не было). В этот метод Сергей Иванович по требованиям тактической обстановки внес свежие черты, дополнив определение направления на пеленгуемую станцию противника определением силы приема, что, с известными оговорками, было эквивалентно определению расстояния до пеленгуемой станции. Сергей Иванович представил своему начальству рапорт, в котором принцип пеленгации пояснялся простым чертежом, ясно показывающим суть предлагаемого метода и позволившим обойтись без лишних формул. Но начальству такая простота не понравилась, и от Сергея Ивановича потребовали «более солидного» подхода. «Ну, что ж! Я выписал формулы аналитической геометрии для соответствующих окружностей и прямых, определил из них точки пересечения и т. д. Начальство осталось довольно.»

За шутливой формой рассказа чувствовался, однако, серьезный интерес Сергея Ивановича к вопросам радиотехники. Правда, затем после еще одной интересной работы о частоте нагруженной антенны Сергей Иванович перестал близко заниматься радиотехникой. Однако еще в 1919 г. он серьезно собирался заняться этими проблемами, в частности в связи с тем что появившимися тогда на нашем горизонте (да и вообще еще совсем «молодыми» тогда) электронными или, как тогда их называли, катодными лампами, — он собирался работать в Военной радиолаборатории ГВИУ. Но физик (или, точнее оптик) переселил в Сергея Ивановича радиотехника (или радиофизика), и именно с 1919 г. Сергей Иванович решительно обратился, вернее, возвратился к оптике. Он уже тут же живо ощущал близость оптики к радиотехнике (сейчас это троекрат, а тогда еще спорили, можно ли сократить радиотехнический и оптический спектры!), может быть, под влиянием идей лебедевской школы, к которой Сергей Иванович тесно примыкал в студенческие годы.

Рассказ о блестящем цикле работ Сергея Ивановича в области оптики читатель найдет в соответствующих статьях этой книги. Что же касается радиотехники, то интерес Сергея Ивановича к ней и родственным ей воп-

росам не ослабевал до конца жизни. Этим в значительной мере определялось и его энергичное участие в привлечении Л. И. Мандельштама на кафедру в МГУ и дружественные (и даже просто дружеские) отношения с Н. Д. Папалекси, а также с М. А. Бонч-Бруевичем и рядом других покойных и ныне здравствующих близких к радиотехнике ученых, а также, например, его деятельное участие в праздновании пятидесятилетия радио в 1945 г. и то, что он включал вопросы радиотехники в читаемые им курсы.

Сергей Иванович хорошо знал иностранные языки, вплоть до латыни, которую еще во времена средней школы он изучал приватно. Он любил порой и народные и древнерусские слова, откуда, например, и слово «стыдобушка». У него был большой интерес к истории Академии наук. Последний как-то органически сливался у Сергея Ивановича с его любовью к Ленинграду (чему много способствовала его теснейшая творческая связь с ГОИ), хотя сам он и был уроженцем Москвы. Ленинградские памятные места, относящиеся к петербургскому периоду Академии наук, пользовались у Сергея Ивановича любовью и вниманием. Так, в частности, он восстановил старую эмблему АН, фигурирующую ныне, например, на академических изданиях, с изображением академического здания на Неве (бывшее здание Кунсткамеры); в подготовке к академическим торжествам 1945 г. Сергей Иванович приложил много усилий для приведения в надлежащий вид после фашистского нашествия и старого помещения Академии наук и Пушкинских памятных мест. Он активнейшим образом участвовал в Пушкинских торжествах 1949 г.

Большого удивления достойно то обстоятельство, что Сергей Иванович, получивший среднее образование в учебном заведении, далеком от «классицизма», так хорошо знал латынь. Это гармонировало и с его интересом к таким произведениям, как философская поэма Лукреция Кара «О природе вещей» и др., да и вообще к истории естествознания, в особенности отечественной. Знание латыни дало ему возможность близкого и полного знакомства, например, с трудами Ньютона, которого он переводил с полнотой, значительно превосходящей существовавшие ранее переводы.

Он с громадной тщательностью (как, впрочем, и все, что он писал, в том числе и многочисленные публичные выступления, которые, к слову сказать, он составлял всегда лично) готовил доклад о Ньютона к ньютоновским торжествам в Лондоне в 1946 г. Он был лишен возможности сделать этот доклад лично, но очень беспокоился о том, чтобы этот доклад был зачитан на месте; доклад с успехом зачитал лондонский проф. Андраде (Эндред), который незадолго перед этим был в Москве.

Этот доклад был отвезен в Лондон делегацией Академии наук, которую возглавлял академик А. Е. Арбузов. Сергей Иванович очень тщательно инструктировал нас перед поездкой, предупреждая различные, могущие встретиться затруднения, как он делал и во всех аналогичных случаях, например при отправлении (в 1950 г.) делегации в Берлин на 250-летие Германской Академии наук, когда после значительного перерыва приветственный адрес должен был быть оглашен также и на немецком языке. Сергей Иванович кропотливо обсуждал с нами немецкий перевод этого адреса, критически взвешивал немецкие неологизмы, тогда только-только появившиеся.

Сергея Ивановича интересовали и другие ученые — Галилей, Эйлер, а также, например, Монж и его деятельность по снабжению революционной армии во время французской революции 1789 г. О Монже он сделал очень интересный доклад, насыщенный историческими фактами, почерпнутыми, как сообщал сам Сергей Иванович, непосредственно из французской периодики тех лет (*«Moniteur»* и др.), которые он, Сергей Иванович, нашел в библиотеке Академии наук — БАН.

Вряд ли кто-либо (и всего менее сам Сергей Иванович) когда-либо мог сосчитать точно общее количество своих одновременных нагрузок (речь идет о нагрузках без дополнительной оплаты). Сам он к этому вопросу относился stoически и с обычным своим юмором. Когда ему жаловались на собственные новые нагрузки, он говорил: «Какая вам разница — сто у вас нагрузок или сто одна?», — ссылался на известный закон Бебера — Фехнера и не принимал возражений, что мол это, конечно, так и закон Бебера — Фехнера, конечно, справедлив, но что хорошо только до тех пор, пока на всех многочисленных нагрузках все идет гладко. Сам же Сергей Иванович умудрялся для подобных «негладких» случаев черпать время из ночных часов, которых также, к слову сказать, оставалось не так много при тогдашнем понятии о рабочем дне.

Вспоминается, как Сергей Иванович отзывался о десятичасовом «дне» чуть ли не как об отпускном режиме, ибо сам работал существенно больше 10 часов в день. Так было не только во время Великой Отечественной войны, когда Сергей Иванович работал и в ФИАНе (Казань) и в ГОИ (Йошкар-Ола), причем регулярно ездил из одного города в другой, что по военному времени и состоянию здоровья Сергею Ивановичу было далеко не просто.

Про заботы Сергея Ивановича о его любимом ФИАНе, конечно, несравненно лучше расскажут сотрудники ФИАНа. Укажем только, что Сергей Иванович проявлял исключительное внимание и к строительным чертежам, планировке, внутреннему устройству и меблированию Института, как, впрочем, и по отношению к другим академическим институтам, строившимся в то время. Сергей Иванович очень заботливо относился к местам отдыха сотрудников Академии, причем на первом месте для него стояли красоты окружающей природы, а не вопросы легкодоступности. Так он очень любил Батилиман (около Балаклавы), несмотря на трудности дороги туда.

Однако понятие «отдых» Сергей Иванович рассматривал в достаточной мере своеобразно: обычно он во время отдыха писал статьи и книги или подготавливал новые издания их. По-видимому, это обстоятельство и дало повод Сергею Ивановичу заявить однажды, что образованные в 1948 г. академические дачные поселки служат не только для отдыха, но и для творческой работы.

Помимо напряженнейшей текущей научной и организационной работы Сергей Иванович находил резерв времени и энергии не только для открытия многочисленных и торжественных заседаний, — как юбилейных чествований различных больших событий и личностей, он еще и учреждал и активнейше содействовал работе, например, Общества по распространению политических и научных знаний: активно работал в БСЭ, создавая 2-е издание БСЭ (к великому сожалению, он успел отредактировать только 7 томов). Главный редактор БСЭ, он не только регулярно проводил заседания главной редакции, но и внимательно прочитывал материал, делал много указаний, сам писал некоторые статьи (Академия наук СССР, Бугера — Ламберта — Бэра закон). Подписывая много разных бумаг и рукописей, он с обычным юмором говорил: «А здесь нет «Беспамятной собаки?» (под этим заглавием в одном из томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефона можно найти коротенькую, но злейшую заметку, направленную против гл. редактора Словаря, который подписал ее в ряду других, не читая). Но слова Сергея Ивановича были ясной для всех шуткой: он-то уж очень внимательно читал то, что подписывал.

* * *

Где бы Сергей Иванович ни работал, везде о нем оставалась память как об исключительно отзывчивом и заботливом начальнике и товарище. Но к себе самому он был совершенно беспощаден. На работе он буквально

горел. Все уговоры и даже приказания свыше поберечь себя как-то скользили по поверхности его сознания.

Даже уже совсем больной, он (как рассказывали очевидцы) трогательно извинялся перед врачами за беспокойство, причиняемое его болезнью, и уверял, что все с ним благополучно.

И Сергея Ивановича не стало. Прекрасная, но так преждевременно порвавшаяся жизнь!

Поэт сказал:

«Не говори с тоской — их нет,
А с благодарностию — были!»

Может ли это служить всем нам, горячо его любившим, но по-видимому, мало о нем заботившимся, каким-либо утешением?